

Большинство слуг лишь досконально исполняют то, что записано на бумаге — прислуживают хозяину в быту, следят за его одеждой и едой. По правде говоря, никто из них не способен на подлинную преданность, на то, чтобы идти с господином до самой смерти.

Кто станет понапрасну губить свою жизнь ради несправедливого контракта? Кто рискнет собой ради высокомерного хозяина? Потому-то великие дома и предпочитают держать при себе домашних слуг — лишь тех, кто вырос под их присмотром, можно заставить слепо повиноваться, да и риск предательства с их стороны куда меньше.

Шао цзюньхоу, всегда придерживавшаяся принципов справедливости и честности, не нуждалась в такой слепой верности, купленной ценой чужих жизней. Она всегда шла своим путем в одиночку. Там, где проходила она со своим посохом из кленового дерева, воцарялись мир и порядок, а позади оставался лишь её одинокий силуэт. Даже Таскэ, с которым её связывали десять лет знакомства и пятилетний помолвочный договор, так и не смог переступить порог её владений.

Но сегодня эта глупышка, лепетавшая о верности до гроба, в одно мгновение коснулась сердца Цин Гэ. Она обняла эту блестящую, строгую и холодную Шао цзюньхоу, и нежность, переполнявшая её сердце, едва не прорвала плотину сдержанности.

Ах, объятия Цин Гэ ничем не отличаются от объятий любого из нас. Такие же мягкие, даже чуть более худые и хрупкие.

Цин Гэ, разве ты не устала? Неужели нет никого, кто заставил бы тебя остановиться, кто стал бы для тебя тихой гаванью? Неужели никто не поможет тебе снять доспехи, скрывающие твою истинную, самую нежную и беззащитную суть?

Огромная земляная птица бесшумно пронеслась над городом Чжэньян, оставляя позади руины, пожарища и обугленную землю. Она летела туда, где расположились отступающие войска Империи Османов.

Офелия стащила Кайсара со спины птицы, развязала на нем узлы с поклажей и, не обращая внимания на свой растрепанный вид, на грязь и кровь, обратилась к подошедшей Мэри Брайт:

— Мы забрали тело мага Голина из Чжэньяня. Где маршал Фернандо? Нам нужно его видеть!

— Маршал в ставке, госпожа Спеде. Пожалуйста, следуйте за мной.

Цин Гэ планировала, как только вернется, хорошенько отчитать Хуа Сэ о том, что алхимик должен сидеть в тылу и не подвергать себя опасности. Но стоило им прибыть, как Офелия бросила Кайсара на землю, не проявив ни капли заботы. Для столь сдержанного мечника такое поведение было верхом грубости. Цин Гэ пришлось взять на себя заботу о нем: она полуволоком дотащила его до палатки алхимиков, заставила выпить целебные отвары, а заодно выпросила обезболивающее для Хуа Сэ. Несмотря на чудодейственную силу той половины

пилюли, что дал Великий герцог Цин Шу, она не могла оставить Хуа Сэ без помощи.

Когда Цин Гэ собралась уходить, Кайсар схватил её за запястье. В его фиолетовых глазах бушевало пламя ярости, сменявшееся ледяной пустотой бескрайней пустыни.

— Цин Гэ... Учитель мертв.

Сказав это, он не выдержал тяжести горя и ненависти к собственной беспомощности. Свернувшись калачиком, он издал утробный рык, похожий на стон раненого зверя. Его голос охрип так, словно он вот-вот должен был захлебнуться кровью.

Этот всегда безупречный молодой золотой лорд, мнивший себя умнейшим человеком в мире, окончательно проснулся от прекрасного сна, потеряв последнего человека, на которого мог опереться.

Оказалось, он ничем не лучше остальных.

Цин Гэ смотрела на Кайсара, который дрожал, но так и не проронил ни слезинки, и произнесла бесстрастно:

— Больно, господин Оро?

Кайсар не мог ответить. Он лишь беззвучно рыдал, кусая край подушки, и кивнул.

Цин Гэ взяла снадобье, предназначенное для Хуа Сэ, и направилась к выходу из палатки, тихо проговорив:

— Когда я своими руками отправила отца на виселицу, мне было примерно так же больно.

Она не пыталась вызвать жалость или унижить Кайсара. Она просто констатировала факт:

— Переживешь — станет легче.

Сказав это, Цин Гэ приподняла полог и, обернувшись к измученной Хуа Сэ, ослепительно улыбнулась сквозь зубы:

— Ну что, дорогая Хуа Сэ, теперь поговорим о тебе.

— Ой, больно, — Хуа Сэ сидела на полу на грубом одеяле и с заплаканными глазами жаловалась: — Очень больно, Шао цзюньхоу.

— Терпи! — Цин Гэ говорила сурово, но её руки двигались с невероятной нежностью. Она промывала рану, которая снова разошлась, и чувствовала, как к горлу подступает ком. — Такие вещи... не должны делать люди, не способные сражаться! Ты ведешь себя так, будто я плохо выполняю свою работу, раз не смогла тебя защитить. Что ты делаешь?

Хуа Сэ вплела в волосы Цин Гэ розово-белый цветок Мантолунгу, который тайком сорвала по дороге, и, прислонившись лбом к её лбу, прошептала с улыбкой:

— Но когда я думаю, что смогла спасти вас, что моя безрассудная вылазка была вам полезна... мое сердце...

— ...наполняется такой радостью, что я забываю обо всем на свете.

В 415 году императрица Люе усмирила Великий Зеленый Прилив и защитила границы. Однако ценой победы стала гибель величайшего мага империи — Голина в городе Чжэньянь. Шао цзюньхоу Цин Гэ и Офелия Спед, сирота Натальи, ценой отваги вернули тело Голина, избежали столкновения с основными силами Зеленого Прилива и с минимальными потерями вывели студентов Императорской академии и османские войска в столицу.

Этот поход стал одним из самых неудачных и позорных для поколения Шао цзюньхоу, что резко контрастировало с их будущими триумфами. Позже люди не раз гадали: возможно, именно это поражение и позор закалили характер молодых лидеров, сделав их непоколебимыми. Можно сказать, что это поколение Шао цзюньхоу стало самым талантливым, но и самым несчастным в истории Османской империи. Хотя они и спасли тело мага Голина, это не отменяло факта: поход не принес реальных результатов.

В тот миг, когда Цин Гэ выезжала из лагеря, она крепко сжала губы и обернулась на Чжэньянь, скрытый в изумрудных горах. Она дала себе клятву:

— Однажды, когда я стану Святым Магом, я вернусь и смою сегодняшний позор. И тогда ни ваш Инь-Ян, ни администраторы, ни мертвые стражи в железных доспехах не уйдут от меня живыми!

Вам не нужно меня понимать, не нужно мне сочувствовать. У меня нет соратников, я пройду этот путь до конца в одиночестве. Боль от терний я приму на себя, чтобы ваша дорога была гладкой. Идущие следом, вам достаточно ступать по моим следам.

Если однажды вы достигнете края пути, где я остановилась, — поздравляю. Вы достигли божественных пределов, о которых многие не смели и мечтать. Идите дальше, дитя. Ты будешь стоять выше и видеть дальше меня. А перед тем как сделать шаг в неизвестность, возложи на мой алтарь цветок Мантолунгу.

Столица, Имперский город. Я здесь выросла, здесь состарюсь, здесь буду петь и здесь буду плакать. Тридцать с лишним лет я шла своим путем, и больше всего я жалею лишь о том, что

не успела снова взять тебя за руку, прежде чем достичь Первоистока. Кто воздвигнет мне башню, кто высечет эпитафию на камне, кто будет воспевать мою легенду по всему континенту, чьи кости и кровь погребены под моим изваянием?

Я спустилась, я пришла... Неужели я опоздала? Открой глаза, посмотри на меня, Хуа Сэ.

Мы не стали магами, прежде чем стать людьми.

— 35-й Святой Маг Османской империи, Великий герцог при дворе, Алая Цин.

Спустя много лет, когда эпоха правления Люе осталась далеко позади, скрытая история наконец вышла на свет. Вместе с ней открылись кровоточащие, незаживающие раны на сердце Шао цзюньхоу Оро и губительное тщеславие, близорукость Люе Чанцю.

Люди знали лишь одно: в 415 году войска Османской империи воспользовались Зеленым Приливом, чтобы выступить против Яка и продвинуть границы до Чжэньяня. Однако факт гибели мага Голина был скрыт императрицей. Официально объявили: маг Голин состарился и ушел на покой, а должность первого мага империи осталась вакантной.

Скрипнула тяжелая каменная дверь, медленно опустился вычищенный до блеска подъемный мост. Аромат сандалового дерева встречал вернувшихся воинов.

— Это наши воины! Наши защитники! Наша гордость!

— Маршал, маршал! Да благословит небо Османов!

— Да благословит небо Османов!

Под ликующие крики с неба посыпались лепестки камелий. Брант Аоро, приближенный императрицы из столицы, с подобострастной улыбкой принял знамя из рук маршала Фернандо и передал его Люе Дуи, восседавшей в позолоченной колеснице. Женщина, сохранившая ослепительную красоту даже спустя десять лет брака, грациозно поднялась и вместе со всеми столичными чиновниками поклонилась маршалу и армии до самой земли:

— Люе Цинлань от лица миллионов подданных империи благодарит вас.

Фернандо смотрел, как половина его власти ускользает из рук, но молчал, сдерживая бурю внутри.

Передача власти, бескровный переворот — эта красивая, словно демон, Люе превратила всё в театральное представление. Простой народ не слышал, о чем они говорят, он видел лишь поклоны министров генералу и ликовал.

— Это наш маршал! Наш маршал, который победил даже во время Зеленого Прилива! Да благословит небо Османов!

Цветы летели в окна, крики становились громче. Воины и студенты академии начали движение к внутреннему городу.

— Завтра при входе в город следи за тем, что говоришь, маршал Спеде, — предупредил его вчера Брант Аоро. — Императрица в ярости из-за гибели Голина. Старина, я ведь забочусь о тебе! Все знают, что это была не отставка, но императрица хочет слышать, что он погиб из-за собственного неумения...

— Я не могу, — покачал головой маршал Фернандо. — Я не могу этого сделать.

Цин Гэ выехала вперед, заняв место своего учителя, и плотно пристроилась за спиной маршала, неся на плече алое Знамя Рассвета.

После того как Голин пал в Чжэньяне, Цин Гэ, как самая высокопоставленная среди магов, приняла на себя бремя наставника. Её полупринудительно поставили на эту должность, чтобы поднять боевой дух и успокоить народ.

В юности она мечтала об этом месте — месте первого мага империи, символе высшей власти и силы. Но теперь, когда её «загнали на высокий пост», она не чувствовала ничего.

Ни тревог, ни страха, ни радости. Пустота.

Ей было холодно. Голин всю жизнь был верен императорскому дому, даже Люе Чанцю он не смел перечить, был до смешного предан, а в итоге ради «лица императорской семьи» его смерть скрыли.

Люе Чанцю, — скрежетала зубами Цин Гэ, — чем ты отличаешься от тех псов из Яка? Не зря император Хуалай сотни лет назад говорил, что женщинам не место в политике. Сегодня, глядя на такую, как ты — с глазами размером с игольное ушко, недалёковидную и нерешительную, — я понимаю: дело не в поле, а в способностях! У меня хватит сил стереть в порошок любого, кто управляет императором Спеде!

Армия продолжала движение. Из окон летели плющ и желтые ирисы, взлетали белые голуби. Всё было так же, как перед походом, только некоторые остались лежать на границе навсегда.

Цин Гэ закусила губу, глаза защипало. Хуа Сэ, сидевшая позади, тут же почувствовала

перемену, осторожно накрыла руку Цин Гэ своей.

— Шао цзюньхоу, вам плохо?

Среди океана ликования Цин Гэ сжала руку Хуа Сэ. Её пальцы были длинными, с выступающими суставами, далекими от идеала знатных дам. Лишь бледная, как снег, кожа да постоянный легкий холод выдавали в ней аристократку.

— Хуа Сэ... мне горько.

— Не грустите, Шао цзюньхоу, — Хуа Сэ прислонилась лбом к её спине. — Я всегда с вами.

— Да благословит небо Османов, — Люе Чанцю в парчовом наряде, с безупречным макияжем, сидела рядом с мужем-императором. Она протянула маршалу Фернандо свою идеальную руку: — Маршал, вы устали. Отдохните, приведите себя в порядок, а позже мы наградим вас.

Фернандо поднялся по ступеням, опустился на одно колено и поцеловал её руку.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Он не смотрел на нее, боясь, что в следующую секунду задушит её прямо на золотом троне. Но он понимал: если он это сделает, империя погрузится в хаос.

Он встал и зашагал прочь. Люе Чанцю усмехнулась:

— Посмотрите... характер Фернандо совсем не изменился за столько лет.

— Совсем не изменился... — как эхо повторил император.

— Ладно, ладно, помолчите, — Люе Чанцю взяла императорскую печать, которой мог пользоваться только муж, и хлопнула в ладоши. Служанки подхватили императора и увели его, а она, не моргнув глазом, заявила: — Император нездоров, он ушел на покой. Но церемонию нельзя отменять. Я возьму это на себя.

Когда приказ дошел до Цин Гэ и остальных студентов, стоявших снаружи, даже Кайсар, не реагирующий на мир с момента смерти учителя, и сестра Брайт замерли. Цин Гэ, чье лицо всегда было каменной маской, лишь чуть сузила зрачки.

Люе Чанцю осмелилась воспользоваться печатью без императора?!

— Вызвать Шао цзюньхоу Цин Гэ, Кайсара Оро, мечницу Лию и алхимика Мэри Брайт!

Цин Гэ повернулась к Офелии, которая выглядела так, будто собиралась на прогулку:

— Ты... какой титул ты себе выдумала, что императрица поставила тебя впереди Брайт?

— Перебежчица из Яка, — лучезарно улыбнулась Офелия. — Я восхищаюсь мудростью императрицы, поэтому после наставлений Шао цзюньхоу перешла на сторону маршала и помогла вернуть тело Голина. Разве я не заслужила награду? К тому же, императрица любит, когда её хвалят. Если она не позволит мне спеть ей дифирамбы, это будет неуважением к её величию!

Цин Гэ лишилась дара речи. Она поправила мантию, передала посох Хуа Сэ и, проигнорировав служанку, которая тянула к ней руки, прошептала:

— Хорошая моя, иди отдохни, я скоро вернусь.

— Хорошо, — Хуа Сэ прижала к себе посох и дернула Цин Гэ за рукав. — Только... не пейте много вина.

Цин Гэ рассмеялась:

— Я не пью, Хуа Сэ.

Она похлопала её по плечу и, не оглядываясь, вошла в зал.

— Шао цзюньхоу Цин Гэ, за помощь в походе и доблесть при возвращении тела Голина, жалую триста земель и город Лиду.

— Кайсар Оро, за глубокое проникновение в тыл врага, жалую триста земель и три года освобождения от налогов для Северной пустыни.

— Мечница Лия, перешедшая на нашу сторону и помогавшая вернуть тело великого мага... за это императрица награждает...

Цин Гэ не дала ей договорить. Если она закончит, Офелия Спеде исчезнет из истории, останется лишь Лия! Цин Гэ и Офелия встретились взглядами. Цин Гэ подняла воротник мантии, а Офелия шагнула вперед, сняла капюшон и посмотрела прямо в глаза ошарашенной императрице:

— Ваше Величество, Офелия просто исполняла долг перед страной и народом. Наград не нужно.

<http://bllate.org/book/19150/1880635>